

Научная статья

УДК 165.41

doi: 10.17223/1998863X/84/3

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СКЕПТИЦИЗМА В ОТНОШЕНИИ ЗНАЧЕНИЯ В КАТЕГОРИЯХ ЯЗЫКОВОЙ ПРАГМАТИКИ

Михаил Алексеевич Смирнов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

*Московский институт психоанализа, Москва, Россия
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия,
mikhailsmirnov84@gmail.com*

Аннотация. Показаны возможности использования категорий языковой прагматики для анализа проблемы скептицизма относительно значения («проблемы Крипке»). Осуществлен критический анализ предложенной Е.В. Борисовым с опорой на идею В.А. Ладова аргументации против скептицизма, апеллирующей к перформативному противоречию, усматриваемому в скептическом дискурсе. Обращение к разграничению локуции, иллокуции и перлокуции позволило в новой перспективе проанализировать проблему скептицизма относительно значения, поставив вопрос: о каком значении идет речь – локутивном, иллокутивном или перлокутивном?

Ключевые слова: аргумент от перформативного противоречия, контраргумент от скептической иллокуции, перформативность, проблема Крипке, речевые акты, скептицизм относительно значения

Благодарности: статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Автор благодарит Г.А. Золоткова и А.Ю. Моисееву за интересное и плодотворное обсуждение идей, легших в основу этой работы.

Для цитирования: Смирнов М.А. Анализ проблемы скептицизма в отношении значения в категориях языковой прагматики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 23–33. doi: 10.17223/1998863X/84/3

Original article

AN ANALYSIS OF THE PROBLEM OF SCEPTICISM REGARDING MEANING IN TERMS OF LINGUISTIC PRAGMATICS

Mikhail A. Smirnov

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, mikhailsmirnov84@gmail.com*

Abstract. In this work, I show the perspectives revealed for an analysis of the problem of scepticism regarding meaning (“Kripke’s problem”) using the categories of linguistic pragmatics (*performativity*, the distinction of *locution*, *illocution* and *perlocution*). I provide a critical analysis of the argumentation against scepticism proposed by Vsevolod A. Ladov and Evgeny V. Borisov, who appeal to performative contradiction ascribed by them to sceptical

discourse. With extrapolation of this style of argumentation to the discussion of scepticism in general, I show its vulnerability in light of the counter-argument from sceptical illocution proposed in the present work. Taking into account the polemic discussion spread out around the “straight solution” in the literature, I point out that knowledge of meaning by introspection, postulated by Borisov, should be understood as a performative establishment of meaning in individual speech acts (thus, the notion of performativity arises once again in his argumentation). I propose and substantiate the opinion that the appeal to such performativity is not a full-aspect solution for the problem. Addressing the distinction of locution, illocution and perlocution allows analysing the problem of scepticism regarding meaning in a new perspective, posing the question: What aspect of meaning – locutive, illocutive or perlocutive – is concerned? I propose and explicate the hypothesis that objectivity and stability of meanings is maintained by the perlocutive aspect of speech; that does not exclude relativity and fluidity of reconstruction of meanings in the illocutive aspect.

Keywords: argument from performative contradiction, counter-argument from sceptical illocution, performativity, Kripke’s problem, speech acts, scepticism regarding meaning

Acknowledgments: The article was prepared in the course of work within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE). The author thanks G.A. Zolotkov and A.Yu. Moiseeva for an interesting and fruitful discussion of the ideas that formed the basis of this work.

For citation: Smirnov, M.A. (2025) An analysis of the problem of scepticism regarding meaning in terms of linguistic pragmatics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 23–33. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/3

Введение

Проблема скептицизма относительно значения – одна из центральных проблем в современной философии языка и эпистемологии. В ряде недавних работ ее анализ связан с применением категориального аппарата языковой прагматики, а именно понятия перформативности. В настоящей статье мною критически проанализирован тот способ, которым понятие перформативности было использовано для аргументации против скептицизма. Кроме того, рассмотрена проблема скептицизма относительно значения в более широкой перспективе языковой прагматики при обращении к разграничению локуции, иллюкуции и перлокуции.

Аргумент от перформативного противоречия против скептицизма

В работах В.А. Ладова [1] и Е.В. Борисова¹ [2] фигурируют аргументы против скептицизма, основанные на усмотрении перформативного противоречия в скептическом дискурсе. Эти аргументы приводятся в контексте обсуждения проблемы скептицизма относительно значения. Для того чтобы подойти к вопросу аналитически, имеет смысл вначале разобраться, как выглядит подобный аргумент, если он используется для атаки на скептицизм в целом, без специального внимания к проблеме значения.

Если мы не являемся скептиками, то для нас характерно стремление (в некоторых случаях) использовать предложения нашего языка для высказывания утверждений о реальности, рассматривая их как истинные. Будем называть совокупности (конъюнкции) таких утверждений *теориями* (вклю-

¹ В явном виде к понятию перформативного противоречия обращается Борисов, однако в работах Ладова мы также, по сути, его встречаем.

чая как предельный случай теории, состоящую из единственного атомарного утверждения).

Позиция скептика в общем случае подразумевает невозможность или бесполезность делать какие-либо истинные утверждения (и, таким образом, формулировать какие-либо теории).

Под перформативностью в лингвистике и философии языка обычно понимается такое употребление предложений, посредством которого учреждаются некоторые новые реалии, осуществляется некоторое действие, например «Я вызываю Вас на дуэль» или «Я нарекаю этот корабль „Королем Карлом“». Понятие перформативности было артикулировано Дж. Остином в [3]. Под перформативным противоречием в работе Е.В. Борисова, по всей видимости, подразумевается такое употребление предложения, которое само осуществляет или влечет действие, противоречащее содержанию этого предложения.

Как же сформулировать аргумент против скептицизма, который можно будет охарактеризовать как аргумент от перформативного противоречия? Для этого нужно объединить изложенные выше соображения с допущением, что скептик рассматривает свою позицию как некоторую теорию, включающую как минимум одно истинное утверждение (а именно утверждение о невозможности делать какие-либо истинные утверждения). Тогда получается, что, отрицая на словах такую возможность, он посредством тех же самых слов ее реализует, вступая в перформативное противоречие с самим собой. Исходя из этого, можно заключить, что позиция скептицизма, столь неизбежно влекущая противоречие, неверна.

Этот аргумент в той или иной форме встречается в философской литературе. Здесь можно привести рассуждение В.А. Ладова из книги «Иллюзия значения»: «Если скептическое решение... придерживается... основ рациональной деятельности вообще, то при позиционировании своего тезиса как истинного оно вступает в противоречие с его содержанием... Если же оно, будучи до конца последовательным, соглашается и со своей собственной релятивностью, то... не допускает осуществление какой-либо рациональной теоретической деятельности» [1. С. 255]. В подобном смысле Х. Патнэм говорит о «самоубийстве» релятивиста, см. анализ его позиции в [4. С. 129].

Контраргумент от скептической иллюзии

Для того чтобы увидеть уязвимость аргумента от перформативного противоречия в адрес скептицизма, обратимся к теории речевых актов, сформулированной Дж. Остином в [3]. По его мысли, конкретное употребление некоторого предложения в речи включает три аспекта: локуцию (или локутивный речевой акт), иллюкуцию (или иллюкутивный речевой акт) и перлокуцию (или перлокутивный речевой акт). *Локуцию* можно определить как значение предложения самого по себе, без учета обстоятельств и целей, при которых оно употребляется. Например, предложение «Я вызываю Вас на дуэль», по всей видимости, обладает некоторым инвариантом значения, независимым от указанных факторов. *Иллюкуция* – значение предложения как способ его употребления, образуемый обстоятельствами или намерениями агента речи. Например, предложение «Я вызываю Вас на дуэль» может употребляться: 1) чтобы реально вызвать кого-то на дуэль; 2) в театральной поста-

новке; 3) как шутка; 4) чтобы расписать шариковую ручку; 5) во сне и т.д. Под *перлокуцией* подразумевается тот практически-направленный эффект на рецепиента (могущий затрагивать его чувства, мысли и действия), который оказывается употреблением предложения. Например, предложение «Я вызываю Вас на дуэль» может быть воспринято рецепиентом как вызов на реальную дуэль и повлечь соответствующие чувства, мысли и действия с его стороны.

Аргумент от перформативного противоречия основывается на допущении, что утверждение тотального скептика представляет собой иллокутивный акт того же характера, что и иллокутивные акты нескептиков, предназначенные для выражения утверждений о реальности, рассматриваемых как истинные.

Возможно, в некоторых случаях тотальные скептики действительно понимают свое высказывание таким образом, тем самым впадая в противоречие. Однако их речевой акт может носить и другой иллокутивный характер. Этот акт может не быть направлен на формулировку теории, выражающей некоторую истину, и поэтому не вступать в противоречие с позицией тотального скептицизма. Последнюю в таком случае не следует рассматривать как теорию; можно охарактеризовать ее как *квазитеорию*.

Вначале этот контраргумент может показаться софистическим. Может возникнуть вопрос: чем же занимается скептик, если не формулирует некоторую теорию? Однако в том-то и дело, что позиция тотального скептицизма должна быть понята глубже (что необязательно влечет ее принятие) – именно как отказ от формулирования каких-либо теорий о реальности. При этом любые предложения, локутивно эквивалентные утверждениям, могут использоваться в другом иллокутивном модусе. Например, тотальный скептик может понимать любые свои высказывания как шутку или театральную постановку либо даже как пустые колебания воздуха или бессмысленную рябь букв.

Будем называть характерный для тотального скептика режим речи *скептической иллокуцией*. Изложенный здесь контраргумент будем называть (*контр*)*аргументом от скептической иллокуции*.

Важно отметить, что речь в режиме скептической иллокуции необязательно рассматривать как бесцельную и бездейственную. Вряд ли кто-то будет оспаривать, что театральная постановка или художественный текст могут оказывать на рецепиента определенное действие, иногда – менять его мировоззрение. Подобным образом нам не следует исключать такую возможность и для скептической иллокуции. Выражение теории и нацеленность на изменение мировоззрения рецепиента – это не одно и то же, и второе не обязательно достигается за счет первого. Таким образом, нельзя отвергать возможность для скептика влиять с помощью высказываний на мышление людей и при этом не стремиться высказать теорию.

Проблема скептицизма в отношении значения и подходы к ее решению

Проблема скептицизма в отношении значения сформулирована С. Крипке с опорой на идеи Л. Витгенштейна (точное соотношение между позициями этих двух мыслителей является предметом обсуждения, на котором я не буду здесь останавливаться подробно).

Витгенштейн в «Философских исследованиях» [5] сформулировал проблему следования правилу. Она состоит в том, что любая последовательность действий может быть подведена под неограниченное число правил. Поскольку значение в контексте витгенштейнианства понимается как употребление, а интерпретация – как распознавание правила употребления, то проблема следования правилу оказывается почвой для скепсиса в отношении значения и интерпретации.

Проблему следования правилу можно считать частным случаем юмовского «скептицизма» в отношении индуктивного установления номологических причинно-следственных связей. По мысли Юма, следование одного явления за другим в опыте, сколь бы многократно мы ни наблюдали последовательность, никогда не может быть достоверным основанием для утверждения, что эта последовательность имеет необходимый характер и с необходимостью будет повторяться в будущем.

Крипке в работе «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» [6] предложил развернутую интерпретацию мыслей Витгенштейна, используя в качестве примера значение термина «плюс» (англ. *plus*). Мы склонны считать, что этот термин обозначает операцию сложения, характер которой хорошо известен каждому (или почти каждому) с детства. Допустим, ранее мы неоднократно использовали термин «плюс» и получали результат, соответствующий обычной операции сложения; однако мы использовали этот термин только при обращении с аргументами, меньшими 57. Какой ответ мы должны получить, применив данный термин в качестве оператора с аргументами 57 и 68? Возможно, читатель подумает, что это простой вопрос и ответ на него – 125. Это было бы так, если бы у нас была гарантия, что при употреблении термина «плюс» мы подразумеваем именно операцию сложения. Однако, по мысли Крипке, такое предположение ничем не гарантировано. Ведь наше употребление данного термина в прошлом совместимо с разными правилами. Одно из возможных правил – употребление его для обозначения сложения. Однако возможно и другое – употребление его для обозначения операции *квожение*, результат которой тождествен результату сложения при аргументах менее 57, а в остальных случаях равен 5. (Можно придумать также неограниченное количество других возможных правил.) По мнению Крипке, наши прошлые употребления термина «плюс» не дают информации для достоверного выбора между этими вариантами; ведь, скажем, наша нынешняя уверенность в том, что мы подразумевали тогда именно сложение, может быть результатом приема психотропных веществ. Более того, Крипке полагает, что и при употреблении термина в настоящий момент имеет место та же ситуация. По его мысли, нет никакой принципиальной разницы в этом отношении между употреблениями терминов в прошлом и настоящем.

Е.В. Борисов считает, что тем самым в работе Крипке предложены две разные версии скептицизма относительно значения: 1) *ограниченный скептицизм*: «...фактов речевого поведения агента в прошлом недостаточно для выявления значения, которым агент наделял в прошлом слово „сложение“» [2. С. 25]; 2) *тотальный скептицизм*: «...для любого агента, любого выражения и любого речевого акта не существует фактов, которые позволяли бы однозначно установить значение, которым данный агент наделяет данное выражение в данном речевом акте» [2. С. 26].

По мнению Борисова, ограниченный скептицизм сводится к тезису о недоопределенности эмпирических теорий фактами (см.: [7]) и не представляет специального интереса. Тотальный же скептицизм опасен, поскольку «ставит под вопрос само существование речи» [2. С. 26].

Еще одна дихотомия, выделяемая в контексте проблемы Крипке, – различие двух типов подходов к ней: 1) *прямое решение* – демонстрация того, что скептицизм относительно значения некорректен; 2) *скептическое решение* – признание корректности скептицизма и при этом демонстрация его совместимости с существованием речи.

В.А. Ладов в [1, 8] предлагает подход к проблеме, который он называет *умеренным решением*. По его мысли, нам пока не удастся напрямую обосновать возможность достоверного знания значения, однако обратный тезис скептицизма абсурден и потому не может быть принят [1. С. 309].

Таким образом, «умеренное решение» В.А. Ладова представляет собой в некотором смысле отрицание отрицания и формулируется с определенной осторожностью. В контрасте с этим Е.В. Борисов предлагает свое «прямое решение» проблемы как способ непосредственно обосновать тезис о том, что значения (в некоторых случаях) нам известны. Подход Борисова можно кратко обозначить так: если речевая коммуникация имеет место, то значения языковых выражений хотя бы иногда нам известны; речевая коммуникация имеет место; следовательно, значения языковых выражений хотя бы иногда нам известны. В каких же случаях мы можем быть уверены, что они нам известны? Мы не можем это утверждать с достоверностью об употреблении языковых выражений другими людьми или даже сами нами в прошлом, т.е., говоря более общо, об употреблении, данных нам в опыте. Это область ограниченного скептицизма, который Борисов признает теоретически состоятельной позицией, отрицая лишь тотальный скептицизм. Однако, по его мысли, есть категория употреблений языковых выражений, в которых значение не реконструируется опосредованно из данных опыта, а дано нам непосредственно и, таким образом, достоверно известно. Этот режим непосредственной данности Борисов называет данностью в интроспекции. По его мысли, это та достоверность, с которой мы располагаем значениями языковых выражений в своих собственных речевых актах, осуществляемых здесь и сейчас. Иначе говоря, та достоверность, с которой мы сами, по своему намерению, вкладываем значение в языковое выражение при его употреблении.

За предложением Борисова последовала дискуссия с участием А.Г. Андрушкевича [9], Г.А. Золоткова [10], В.А. Ладова [8], А.В. Нехаева [11], П.И. Олейник [12], В.А. Суровцева [13], В.В. Целищева [14]. Содержание этой дискуссии будет учтено при анализе проблемы далее в статье.

«Интроспекция» как перформативность

Переходя к дальнейшему анализу проблемы в категориях языковой прагматики, я начну с комментария о месте понятия интроспекции в аргументации Е.В. Борисова. Этот аспект его подхода стал одной из точек приложения критических замечаний в упомянутой дискуссии. Да и сам автор отмечает некоторую условность своего разговора о интроспекции. Пожалуй, это неудивительно, ведь понятие интроспекции уже давно считается многими философами ненадежным.

Я ограничусь здесь указанием на то, что тема интроспекции, на мой взгляд, по сути, представляет собой еще одно вхождение категории перформативности в рассуждение Борисова (наряду с уже описанным употреблением его в аргументе от перформативного противоречия). Другими словами, Борисов апеллирует к тому, что значение в речевом акте нами *учреждается*. Именно это позволяет, образно говоря, знать значение «из первых рук», а не реконструировать его из опыта.

Такое понимание напоминает кантовскую характеристику познаваемости как конструируемости: «Здесь ничто не может ускользнуть от нас, так как то, что разум всецело создает из самого себя, не может быть скрыто» [15. С. 16].

Постулат о перформативном учреждении значения, в принципе, не исключает того, что при таком учреждении агент речи следует обычному употреблению данного языкового выражения, как оно ему известно. Однако такая возможность проблематизируется вопросом о скептицизме в отношении значения, ведь с учетом его можно представить, что все знания агента о значениях языковых выражений в «предшествующих», «обычных» употреблениях являются иллюзией. Тем не менее такая вероятность, по всей видимости, не исключает акта перформативного учреждения значения.

Так понятая достоверная данность значения, вероятно, позволяет избавиться от тотального скептицизма как позиции, предполагающей скепсис в отношении любых значений в любых способах и случаях употребления языковых выражений. Однако она не устраняет возможности скепсиса в отношении знания значений в коммуникации между разными агентами (и даже агента с самим с собой разные времена). Единственной достоверной возможностью в таком случае оказывается использование индивидуального – и мимолетного – языка. Это обстоятельство, уже отмеченное рядом комментаторов, признано и автором «прямого решения» (см.: [16]).

Локуция, иллокуция и перлокуция как предметы скепсиса

Осуществленное в предыдущем разделе применение категории перформативности к «прямому решению» позволило как прояснить его содержание, так и соотнести его с философской традицией (указать на аспектуальное сходство с мыслью Канта). Однако оно не стало поводом предложить существенные коррективы для самого подхода к проблеме или его оценки. Далее мною предложен еще один способ применения категориального аппарата языковой прагматики к проблеме скептицизма относительно значения, что позволит получить более содержательные результаты.

Разграничение локуции, иллокуции и перлокуции, актуализированное выше при анализе аргументации по поводу скептицизма в целом, является одним из базовых результатов языковой прагматики. Это разграничение, рассматриваемое как дифференциация речевых актов, осуществляемых при употреблении языковых выражений, нужно рассматривать также как разграничение значений. Ведь Остин формулирует его в контексте витгенштейнианского понимания значения как употребления, указывая при этом, что слово «употребление» многозначно (следовательно, то же относится и к «значению»).

С учетом этого по поводу скептицизма в отношении значения нужно поставить следующий вопрос: о каком значении идет речь – локутивном, иллокутивном или перлокутивном? Рассмотрим каждый из этих вариантов.

Под локуцией, как уже было сказано, подразумевается значение предложения (или какого-либо другого языкового выражения) без учета специфических обстоятельств и целей его употребления. Иначе говоря, речь идет о способе употребления выражения в том его аспекте, который инвариантен для любых возможных конкретных обстоятельств и целей.

По этому поводу можно отметить, что само наличие такого инварианта ставится под вопрос проблемой скептицизма в отношении значения. Иначе говоря, теория речевых актов и эта проблема могут рассматриваться как несовместимые альтернативы. Однако можно ли все же представить способ их совместить?

На мой взгляд, это возможно. Для этого нужно разграничить два аспекта семантики: с одной стороны, соотнесение языковых выражений с некоторыми объектами; с другой стороны, само наличие таких объектов и структурных связей между ними. Проблема скептицизма ставит под вопрос первый аспект, однако он в некотором смысле является несущественным для локуции. Ведь это понятие подразумевает просто возможность абстрактного инварианта выражений, относящихся к некоторому типу, но отнюдь не утверждение о том, что любой агент употребляет подобные (в синтаксическом плане) выражения именно в таком ключе. Иначе говоря, локуция представляет собой нормативный аспект, который, как абстракция, не аннулируется случаями девиантного употребления. Схожим образом правила этикета – как абстракция – существуют независимо от того, выполняет их кто-нибудь или нет; танец вальс – как определенная система движений – существует независимо от того, танцует ли его кто-то.

Локутивный план значения, по существу, представляет собой область тех объектов, к которым *в принципе* может отсылать то или иное языковое выражение. Функция сложения, которую можно задать индуктивным определением и функция квожения как таковые принадлежат именно к этой области. Их определенность и стабильность никак не зависят от возможной вариативности семантической связи с языковыми выражениями. Вариации соотнесения конкретных синтаксических оболочек с этими объектами несущественны в эпистемологическом смысле. Таким образом, на локутивном уровне проблема скептицизма в отношении значения может быть сформулирована, но не представляет существенного интереса.

Иллокутивный уровень значения представляет собой «языковую игру» существенно иного характера. Если на локутивном уровне «интерпретация» – это соотнесение синтаксических объектов с онтологическими объектами (или категориями), то на иллокутивном уровне суть интерпретации – понять, почему в конкретном случае (при определенных обстоятельствах и с определенными намерениями) агент речи указал на некоторые онтологические объекты (или категории). Иначе говоря, на этом уровне план выражения составляют уже не чисто синтаксические объекты, а пары из них и их локутивных значений. Более того, можно сказать, что чисто синтаксический аспект неважен; носителем иллокутивного значения выступает локутивное значение.

Для того чтобы пояснить эту мысль, приведу пример. Допустим, вы с друзьями слушаете альбом «Red» группы «King Crimson», и один из друзей спрашивает: «Что значит „Red“?». Вам известно, что этот друг прекрасно

владеет английским языком и, несомненно, знает, что слово «red» переводится на русский язык как «красный». Его вопрос не об этом, а о том, почему это слово употреблено в данном случае. Иначе говоря, о том, в каком ключе авторы альбома при его наименовании указали на онтологический объект (или категорию) *красный*. Вы можете ответить на этот вопрос, рассказав, что при записи альбома индикаторы аппаратуры уходили в «красную зону» (зашкаливали), и поэтому альбом был так назван музыкантами.

Впрочем, вы не можете знать этого наверняка. Все, что вам доступно, – это рассказ об истории альбома, который вы получили из третьих рук. Вы не знаете достоверно, не вводит ли вас в заблуждение автор этого рассказа или не был ли он сам введен в заблуждение музыкантами. Интерпретация иллюкутивных значений – это область абдуктивных умозаключений, носящих вероятностный характер. Применительно к ним проблема скептицизма в отношении значения имеет существенный смысл (хотя он довольно банален, как верно отмечает Е.В. Борисов, сводясь к общему тезису о недоопределенности эмпирических теорий фактами).

Таким образом, интерпретация иллюкутивных значений теоретически может оставить каждого из нас, как реципиента речевой коммуникации, в своем собственном воображаемом мире, не тождественном действительному.

Значит ли это, что у нас нет никакой надежды соотнести свои интерпретации с интерпретациями других агентов (и нашими собственными интерпретациями в другие времена)? Думается, что такое соотнесение возможно и указание на него является в некотором смысле решением проблемы скептицизма в отношении значения.

Для того чтобы получить это решение, следует вспомнить о третьем – перлюкутивном – уровне значений языковых выражений. Как уже было сказано, под ним подразумевается реальный практический эффект актов коммуникации на чувства, мысли и поведение реципиентов. И если верно допущение о том, что на практике мы все и во все времена находимся в одном и том же действительном мире, то воображаемые миры наших интерпретаций не могут быть абсолютно произвольными – по крайней мере, если они позволяют нам осуществлять относительно эффективную целенаправленную практику.

Таким образом, перлюкутивный аспект коммуникации обеспечивает относительную объективность и устойчивость значения языковых выражений, что не исключает вариативности и подвижности реконструкции значений в иллюкутивном аспекте.

Заключение

В данном разделе статьи не будет представлен перечень пунктов ее содержания, поскольку он приведен в аннотации и введении. Вместо этого здесь мною предпринят еще один небольшой опыт рефлексии над возможностями употребления понятия перформативности в аргументации по рассматриваемой проблеме. Само написание данной статьи можно истолковать как высказывание против скептицизма, осуществляемое посредством действия. Ведь эта работа, состоящая в исследовании и аргументации, по всей видимости, не имела бы смысла, если бы я придерживался скептической позиции. Однако ни читатель, ни я сам в дальнейшем не будем располагать достоверными свидетельствами о том, что эта работа действительно означала для ме-

на исследование и аргументацию. Теоретически она могла быть сугубо художественным опытом, зашифрованным посланием на иную тему или лирическим воспоминанием.

Список источников

1. Ладов В.А. Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 326 с.
2. Борисов Е.В. Прямое решение проблемы Крипке // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 23–32. doi: 10.5840/eps202461219
3. Austin J. *How to Do Things with Words*. Oxford : Clarendon Press, 1962. vii, 167 p.
4. Makeeva Л.Б. Философия Х. Патнэма. М. : ИФ РАН, 1996. 190 с.
5. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. I / пер. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М. : Гнозис, 1994. С. 75–319.
6. Kripke S. *Wittgenstein on Rules and Private Language. An Elementary Exposition*. Cambridge (Mass.) : Harvard Univ. Press, 1982.
7. Quine W.V. *Ontological Relativity* // *The Journal of Philosophy*. 1968. Vol. LXV, № 7. P. 185–212.
8. Ладов В.А. Значение: реализм vs скептицизм // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 43–50. doi: 10.5840/eps202461221
9. Андрушкевич А.Г. Проблемы и перспективы одностороннего решения проблемы Крипке // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 71–76. doi: 10.5840/eps202461224
10. Золотков Г.А. Опыт интуитивного понимания речи как решение проблемы Крипке // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 77–82. doi: 10.5840/eps202461225
11. Нехаев А.В. Злой демон Крипке, картезианская семантика и эпистемическая супервентность // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 60–70. doi: 10.5840/eps202461223
12. Олейник П.И. Спорные аспекты прямого решения проблемы Крипке // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 83–88. doi: 10.5840/eps202461226
13. Суворцев В.А. Скептицизм, прямое решение и языковые каркасы // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 51–59. doi: 10.5840/eps202461222
14. Целищев В.В. Препятствия на пути прямого решения через прямой доступ к сознанию // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 33–42. doi: 10.5840/eps202461220
15. Кант И. Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 3. 741 с.
16. Борисов Е.В. Ответ оппонентам // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 23–32. С. 89–94. doi: 10.5840/eps202461227

References

1. Ladov, V.A. (2008) *Ilyuziya znacheniya: Problema sledovaniya pravilu v analiticheskoy filosofii* [The Illusion of Meaning: The Rule-Following Problem in Analytic Philosophy]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Borisov, E.V. (2024) *Pryamoe reshenie problemy Kripke [A Straight Solution to Kripke's problem]*. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 23–32. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461219
3. Austin, J. (1962) *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press.
4. Makeeva, L.B. (1996) *Filosofiya H. Patnema* [The Philosophy of H. Putnam]. Moscow: IPH RAS.
5. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. I. Translated from German by M.S. Kozlova & Yu.A. Aseev. Moscow: Gnosis. pp. 75–319.
6. Kripke, S. (1992) *Wittgenstein on Rules and Private Language. An Elementary Exposition*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
7. Quine, W.V. (1968) *Ontological Relativity*. *The Journal of Philosophy*. LXV(7). pp. 185–212.
8. Ladov, V.A. (2024) *Meaning: Realism vs Skepticism*. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 43–50. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461221
9. Andrushevich, A.G. (2024) *Problems and Prospects for a One-sided Solution to Kripke's Problem*. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 71–76. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461224

10. Zolotkov, G.A. (2024) Phenomenon of Intuitive Understanding of Speech Acts as a Solution to Kripke's Problem. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 77–82. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461225

11. Nekhaev, A.V. (2024) Kripke's Evil Demon, Cartesian Semantics and Epistemic Supervenience. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 60–70. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461223

12. Oleinik, P.I. (2024) Controversial Aspects of a Straight Solution to Kripke's problem. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 83–88. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461226

13. Surovtsev, V.A. (2024) Skepticism, Straight Solution and Linguistic Frameworks. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 51–59. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461222

14. Tselishchev, V.V. (2024) Obstacles to a Direct Solution Through Direct Access to Consciousness. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 33–42. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461220

15. Kant, I. (1994) *Sobranie sochinenii v 8 tomakh* [Collected Works in 8 vols]. Translated from German by N.O. Lossky. Moscow: Choro.

16. Borisov, E.V. (2024) Reply to Critics. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 89–94. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461227

Сведения об авторе:

Смирнов М.А. – кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); доцент Московского института психоанализа (Москва, Россия); старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия). E-mail: mikhailsmirnov84@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Smirnov M.A. – Cand. Sci. (Philosophy), research fellow, International Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy, HSE University (Moscow, Russian Federation); associate professor, Moscow Institute of Psychoanalysis (Moscow, Russian Federation); senior lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: mikhailsmirnov84@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.10.2024;
одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 17.04.2025*

*The article was submitted 09.10.2024;
approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 17.04.2025*